

СОВЕТСКАЯ БАШКИРИЯ

ОТ ЛИЦА РЕАЛЬНОГО ПРОТОТИПА...

ТЕАТР

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня этого года за большие заслуги в развитии советского театрального искусства почетное звание народной артистки СССР присвоено Зайтуне Исламовне Бикбулатовой — артистке Башкирского государственного академического театра драмы имени М. Гафури.

ЗАЙТУНА Бикбулатова вошла на сцену театра драмы в сезон 1930 года, и хроника движения башкирского сценического искусства путями социалистического реализма составляет собственную биографию актрисы — выдающегося мастера советского театра.

Сердцем убежденный реалист, чуждый любой односложности, стремящийся прежде всего создать психологически и пластически объемный образ, Бикбулатова отставала и отстаивает сокровеннейшие заветы театра переживания.

И актриса мысли, художник бескомпромиссного аналитического ума, чье искусство отличается правдой воинствующего публициста, она утверждает в своем творчестве принципы партийно-философского отражения и освоения жизни.

Словом, творчество как эпос... Это громадный мир, наполненный улыбками и слезами, шепотом признаний и криками отчаяния, любовью и ненавистью; мир, знающий свои надежды, мечты и победы, свои прощания и катастрофы — все то, чем полно очарованное жизнью сердце художника. Лишь помня о громадных возможностях искусства, вооруженного методом социалистического реализма, его частной художественно-философской методологией — системой К. С. Станиславского, которой Бикбулатова была некогда одарена из первых рук, возможно понять силу, оглядеть амплитуду поразительно многообразного творчества актрисы. Ей, Зайтуне Бикбулатовой, была дана чудесная способность читать в сердцах и мыслях. Она возвращает это знание людям как путеводную звезду в мире человеческих страстей и упований.

Можно перечислить хотя бы часть спектаклей, в которых играла Бикбулатова. Начнем их список с горестной Кручинной («Без вины виноватые» А. Н. Островского) или умиротворенной Гюльгайши («Башкирская свадьба» В. Муртазина и М. Бурангулова), сыгранных совсем еще юной артисткой в учебных спектаклях Уфимского техникума искусств, и доведем до императрицы Екатерины II из трагедии Мустая Карима «Салават», до старой девы Жигулиной из драмы А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет»? В свое время только Дездемоне в ее исполнении, этой «поэтической легенде современного театра», по словам известного советского режиссера Льва Прозоровского, театральная критика посвятила более десятка восторженных статей, очерков, докладов. А среди них и свидетельство выдающегося шекспироведа А. Аникста, лестное для всей сценической культуры республики.

«Воля, характер, индивидуальность, большая культура и мужество — вот в чем сила исполнения Дездемоны З. Бикбулатовой. У нас мало таких Дездемон. Обычно все они, как принято выражаться, «голубые»; а это — женщина, в которой воля, ум, характер выражены... с ясностью и внутренней силой».

Тот же ряд высоких оценок сопровождает искусство актрисы в галерее классических образов — Анны Карениной, Кручинной, Ларисы Огудаловой из «Бесприданницы» А. Н. Островского, Амалии из «Разбойников» Шиллера, Лауренсии из «Овечьего источника» Лопе де Вега, Елены Андреевны из «Дяди Вани» А. П. Чехова, из драм Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького... Глубинная психологическая разработка и точно очерченный рисунок характера, многомерная живость и волевая страстность душевных побуждений — духовные параметры ее ролей. А чеканная фразировка, меткий грим, историческая точность костюма, который она носит с неподражаемым вкусом и естественностью, завершат портрет актрисы классического репертуара, какой и является Зайтуна Бикбулатова.

Но сказать так — очень мало, все равно, что по фотоснимкам представить биографию живого человека. Бикбулатова и сегодня играет мировую классику, которая выстроилась в ее творчестве целой библиотекой, одаживающей нас, зрителей, и высоким чувством, и глубоким знанием... Неохватная полнота искусства замечательной артистки, его гуманистический адрес, его идейный адрес открываются, когда мы встречаемся в ее артистической энциклопедии с обитателями нашего мира, нашей эпохи.

Подвиг Любы Шевцовой и

падение Берты Линг («Крест и стрела» А. Мальца), титаническая стойкость Толгонай («Материнское поле» Ч. Айтматова) и трагикомическое счастье Филумены Муртурано из одноименной пьесы Э. де Филиппо, горе и счастье колхозной председателицы Утлыбике («Женушка» А. Мубарякова) и председательство Зюльхабиры («Страна Айгуль» Мустая Карима)... Носители незапятнанной чести и насельники мышиных нор, подвижники праведной идеи и фашиствующие обыватели, созидатели и разрушители проходят в нашей памяти, откликаясь на причудливую и прозную диалектику жизни. Это — антология, и есть в ней сквозная тема. К этой теме подводит сама актриса, как всегда ясно сознающая и посылки, и цели своего творчества.

В одном из последних интервью З. И. Бикбулатова отмечает, что чаще всего ей доводилось играть матерей.

— Для меня это больше, чем ампула, — признавалась она. — Я как-то подсчитала: мною сыграно более двадцати таких ролей. Я играла матерей многих национальностей... Все они разные, но у всех у них одно — материнство как начало всякой любви, как начало жизни и мира.

Назовем любую роль Бикбулатовой, причем самую что ни на есть «невывырышную», как говорят актеры, т. е. лишнюю эффектной характеристики, патетики страстей, прихотливой биографии или еще там какой «пиротехники» сценичности. Пусть это будет суетливая Настасья из драмы Ю. Черпурина «Мое сердце с тобой» — добротная мамаша, мелко крохочущая над выводком великовозрастных парней и девиц, бегущих один за другим из захиревшего колхоза в город... Не зная репертуарного листа Бикбулатовой, трудно вообразить, что актрисе органично свойственны грозные линии и накал предельных чувств высокой трагедии: сейчас перед нами — ласковая гусыня, угодливой любовью вытравившая из сознания своих детей мысль об ответственности перед людьми и жизненным призванием. Но это — мать, и мы благовоим перед ее страстью: Бикбулатова не потеряет в своем объективном рассказе ни единой строчки. Только вот мелькнет в ясных глазах довольной мамаше грустный огонек, вспыхнет и заторжится не то печально, не то укоризной. А вернее — и тем, и другим: это актриса, соотнося развитие образа с текстом, откликается на грустные события драмы; и она же, соотнося живую реальность конкретного персонажа с собственной артистической программой, судит нравственную слепоту.

Это — большая правда активного реалистического искусства.

Образы, созданные Бикбулатовой, не ветшают от времени, не зангрявляются, как граммофонная пластинка, потому что в каждый отрезок движущегося времени наделяют обреченностями, какие обогащают духовность самой актрисы.

И в высшей точке этого движения, там, где сходятся линии персонажа и волна жизни самой актрисы, возникает подлинно гармоничное и знаменательное произведение. То — советский характер. Это советский человек входит в мир своих деяний, свершений, духовных побуждений и надежд. И тут для Зайтуны Бикбулатовой не существует жалобных оговорок, что, дескать, пьеса слаба, интрига примитивна, персонаж схематичен. Схема? Пусть! У театра и у нее самой найдется живая кровь, чтоб артерии драмы налились током и запульсировали мощно и ровно. А это значит, что актриса через контуры приближительных посылок обращается к реальному прототипу и действует от лица последнего. Сценическая линия поведения Бикбулатовой выстраивается по собственному значению и личной оценке жизненных реалий.

Вот как описывала в свое время пораженная критика ее Утлыбике, героиню драмы А. Мубарякова «Женушка» — нехитрого рассказа о женщине, возглавлявшей в годы войны опустевший без мужчин колхоз:

«Женушка» — пьеса ремесленная, устаревшая в тот же миг, как только вышла из-под пера, — писала искусствовед Л. Фрейдкина. — Но образ, созданный Бикбулатовой, образ матери, жены, гражданки — событие в советском театре за годы Великой Отечественной войны. По своему размаху и таланту этот образ может быть сравним лишь с образом, который создала Марешка в фильме «Член правительства».

Размах этот зиждется на простых посылах: Бикбулатова любит своих гордых энтузиастов. Более того, она стоит рядом, трудится и сражает-

ся, любит и ненавидит вместе с комсомолкой Айхылу, коммунисткой Зулейхой, военной санитаркой Гюльшат, директором фабрики Сагидой, колхозницами, нефтяниками, инженерами, музыкантами, врачами — и между духовными побуждениями ее героинь и артистическим состоянием самой Бикбулатовой нет дистанций.

Вспомним ее Толгонай.

Именно она, та великая песня прекрасной жизни советской крестьянки, света воедино знаменательные открытия актрисы и была воспринята как программа творчества Зайтуны Бикбулатовой. Но как бы ни была велика сила обобщения, актриса вложила в Толгонай все личное. Подчас зрителю кажется — это о себе рассказывает женщина, пережившая в жизни не меньше горестной киргизки.

И Толгонай — цепь открытий, наступающих нас всегда, прислушаемся ли мы к ее трогательно целомудренным признаниям в любви, пригладимся ли к той пронзительной тоске бессилия, мерцающей в запавающих глазах, с какой мать переживает падение Алимая, отпрянем ли, опаленные ненавистью, обращенной на злобу, притавившуюся в заскорузлых сердцах.

Какой из них принадлежит любовь самой актрисы? Толгонай-любящей?.. Толгонай-проклинаящей?.. Толгонай, бескрыло плачущей над могилами?.. А может быть, Толгонай, умиротворенной буйством неукротимо возрождающейся жизни?..

Актриса не выбирает — живет... От мук, обрушившихся на сухие плечи ее героини, она падает на стылый рельс, подкошенная вихрями мчащихся мимо и невозвращающихся эшелонов. И живая кровь ее сгорает в грозном пламени века вместе с теми, кому не вернуться. Но Толгонай Зайтуны Бикбулатовой тоже не станет разбивать волшебный горячий камень из сказки Гайдара. Ибо пришла она в этот мир как в свой дом, к людям — как к сыновьям. Вся не-обятная жизнь — в ее сердце.

С. САИТОВ.

На снимке: сцена из спектакля «В ночь лунного затмения» М. Карима. В роли Байбик — народная артистка СССР З. И. Бикбулатова.

Фото Р. Мухаметова.